

Герман Власов
ОПРЕДЕЛЕНИЕ СНЕГА
Книга стихотворений

Герман Власов

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СНЕГА

книга стихотворений

ВОДОЛЕЙ
МОСКВА
2011

ББК 84(2Рос=Рус)6
УДК 821.161.1-93
В58

Фотография *Елены Щербаковой*

Власов Г.
В58 Определение снега: Книга стихотворений. – М.: Водолей,
2011. – 88 с.

ISBN 978-5-91763-067-0

Герман Власов – поэт и переводчик. Родился в Москве. Окончил филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Переводит с английского и языков СНГ. Участник студии «Луч» при МГУ, лауреат Волошинской премии (2009). «Определение снега» – пятая книга стихов, объединившая как старые, так и новые тексты.

ББК 84(2Рос=Рус)6
УДК 821.161.1-93

ISBN 978-5-91763-067-0

© Г. Власов, 2011

© Издательство «Водолей», оформление, 2011

1

***

этот снег февральский летит о ком
красоту и смуту кому творит
обернись на меня золотым песком
он в промерзлой речке вчера намыт

и свидетель жиздры оки десны
он глаголы прятал их жар глотал
так лицом лежал бы он до весны
до весны где ландыш да краснотал

но сейчас пожалуйста будь со мной
в том пернатом мареве в тишине
я услышу посвист твой позывной
это будешь ты ты идешь ко мне

***

серое небо елабуги
будто нахмуренный лик
перегоревшие радуги
в сладкой крови земляник

из повилик оплетающих
листьев опрятных на вид
здесь пешеход отдыхающий
что-то тебе мастерит

травы двуцветные острые
луга упрямая прядь
этот букет с папиросою
рядом оставит лежать

туч многослойных течение
их ускользящий след
над тяготеньем и временем
лучшее есть из побед

жаль только вечером в пятницу
не разойдетесь с виной
рыбные запахи пятятся
моря ища за спиной

***

охотники чернеют на снегу
еще деревья голые чернеют
ища иголку времени в стогу
без них пространство было бы длиннее

зачем надели дамы кружева
пора сказать им белое не в моде
они меня послушают едва
внимательно не при такой погоде

и мальчики шалящие зачем
коньки надели словно в доброй сказке
как будто бы не знают что им всем
власы урежут ровно по указке

зачем пейзаж я вижу как весы
над ним склоняюсь и душою ёжусь
но тает снег что капелька росы
что брейгель ветхий твой
что всё же
всё же

***

уход из ясной предопределен
навек прощайте ижицы живые
приветствую тебя холодный лен
и спицы верстовые

еще луна дорогу серебрит
и волосы мороз седыми сделал
железная дорога как магнит
нет ножницы их сталь бежит по телу

величье кройки таинство шитья
кроишь какое снежное ты платье
какой разрежешь улей для житья
расстроишь сон и зимние объятия

но время кончилось остались провода
омелы в окнах пар от паровоза
и мчит нам под ноги железная беда
и режет без наркоза

уходит тот кто не сумел смолчать
астапово заносит снег молочный
уходит и не хочет отвечать
мудрец заочный

***

когда судьба столкнула лбами
два ощущения два родства
шли тучи с мокрыми губами
прогалин дыбилась листва
такое стало быть сегодня
когда увидел человек
дождь падал посленовогодний
и прошлогодний таял снег
и крыши начинали плакать

когда лицом встречаешь ту
из воздуха живую мягкость
почти ладони теплоту
узнаешь после двух затмений
подъезда дверь толкнув плечом
жизнь только ряд стихотворений
а смерти не было ни в чем

***

С. Янышеву

куртка его выдает с головой
тушь отогреет и пишет по-русски
ласточек с юга увижу конвой
ласточек узких

дни мои ночи на длинных весах
мёд мой накопленный воском сгорая
инеем лёгким в твоих волосах
не был вчера я

божия птица на солнце поет
дом мастера из апрельской соломы
чуден аптекарский твой огород
боже мой кто мы

если весна то и шапку долой
женщиной пахнут потекшие крыши
куртка его выдает с головой
птицам и выше

так высоко задохнуться боясь
туч грозовые чернила разводы
слева направо зеленая вязь
ласточки всходы

(верлибр)

*мне позвонила западная славистка
сказала власов почему вы пишете в рифму
тексты ваши с душком 70-х
вот каневский давно исправился
караулов старается
и посмотрите какая у нас молодежь
это просто вредительство какое-то
ну как мы станем вас переводить*

*друзья я не знал что ответить этой даме
теперь я не получу гранта
(о эти дети капитала гранта)
я никогда не увижу америку
обо мне не расскажут по радио свобода
я всегда буду появляться в свитере и джинсах
курить явскую яву (о явская ява)
с этой острой мыслью я проснулся
солнце лопило в комнату жидким янтарем
снег плавился я услышал стук капли
напоминающий короткие гудки
международной телефонной связи
ну вот и весна*

2

***

без вас обоих как без верных слов
все остальное слишком непонятно
где ткань а где канва уток и шов
белила сурик масляные пятна

и наконец апреля благодать
наружный блеск зов дудочки лукавой
и я рискую весело блуждать
как по холсту ван гога курсова

а с вами и секунды небыстры
то под руку то порознь сестры-рыбы
трава деревья звезды и костры
в одну ладонь устроиться могли бы

и улица чья башенка остра
и лестница не якова витая
храни тебя от вымыслов сестра
серебряная рыба золотая

***

в начале были робость и судьба
жизнь проще телеграфного столба
а голос медной проволоки звонче
два слова есть осталось книгу кончить

деревья встали в рост когда был мал
уносят на погост цветной металл
ржавеет август осень розовеет
вода живет деревья бронзовеют

их листья открывают область где
одни живут на хлебе и воде
другие мерзнут и цветет оливой
в реке плотвы поток неумолимый

вокруг дожди столпились что долги
у рыб и птиц не спрашивай а лги
о лете о реке опять о лете
тому виднее кто сейчас в ответе

кто перешел кто как уток ушел
и вызвал ток воды на разговор
в чьей раковине черный вьюн пищит
и говорит не говори пиши

кто вышивальщик кто движеньем рук
провал окна заштопал что паук
кого в скорлупке било и качало
водой великой что была сначала

потом цвела и превращалась в пар
шла облаком дробила тротуар
в осенний день кропя горящий куст
теряла вес приобретала вкус

***

заноcили ставили на каталку
слушали слова на часы косились
жалко тебе маму жалко
так и не простились

потом кутью с теплою водкой
шатающиеся чужие стулья
была подробной а стала короткой
из мертвого улья

уйти оставить за собой панихиду
в мутном зеркале не мелькнув толком
плач устраивать почти по еврипиду
край скатерти комкать

лучше себя без умысла обозначить
урок сольфеджио сбор макулатуры
прямо под машину разноцветный мячик
у парка культуры

бог из машины а о чем горевать-то
лягушки и мыши ласточки и посевы
провод выдерну упаду на кровать я
мама ушла уходите все вы

***

не смотри на сверкающий ливень
майский дождь несговорчив и прям
сколько желтых изломанных линий
разделили окно пополам

и к стеклу не спешి прикасаться
там качаются ветви гурьбой
их зеленые листья двоятся
и в отрыв уведут за собой

в акварельной такой мешанине
где гремит и рябит без конца
как у тернера в новой картине
дирижера не видно лица

но когда отшумит – будет создан
удивительной радости день
словно кто-то расчесывал воздух
и прогнал его дымную тень

и теперь она в глине и смальте
метростроевской шахты внутри
оттого пузыри на асфальте
настоящей земли пузыри

***

«Паустовский пишет...»

Вал. Прокошин

вот опять апрель где пестрит от птиц
где наверно буду опять
выбирать одно из десятка лиц
словно почерк твой вспоминать

где зеленый шум не согнуть в дугу
или обручи на воде
если теплый дождь где опять смогу
пропадать неизвестно где

с этим долгим шелестом тонких лип
желтом свете со всех сторон
где ни шум ни шорох ни даже всхлип
или окрик других имен

птицелова вешнего не отвлекут
по звонку не вернут назад
где смотреть на небо такой же труд
если видеть твои глаза

(букет)

хорошо бы какую посуду
на шкафу если встать на кровать
красоту принесли отовсюду
и не жалко ее обрывать

вот лохматое пламя сирени
одуванчики бронзой монет
незабудок теснят акварели
собирают на кухне букет

колокольчик герань луговая
лютик майника скошенный рот
и не страшно когда грозовая
на поселок армада плывет

хорошо что из разных названий
луговые растенья в воде
отменяют язык расстояний
значит места не будет беде

и наверное будет не страшно
если к ужину сослепу вдруг
с затаенной обидой вчерашней
в окна майский ударится жук

***

лет через восемь стану вспоминать
как в юности иную строчку фета
твою привычку ввек не закрывать
тугие двери ящики буфета
еще бровей суровость и еще
очки косу и блузку цвета мака
щеку твою и там где горячо
и хаос как в разлуке пастернака
кассеты книги и без крышки йод
ахматову в щемящей слезной дымке
но вот ты здесь и прошлое уйдет
как лишний блеск на старом фотоснимке
а двери окна их линялый шелк
жестянки где хранили соль и просо
пусть приоткрыты словно кто прошел
как ветерок украдкой без спроса

***

нарисуй мне свинцом
октябрем обязательно серым
с человеческим лицом
и рогами пугливую серну

набросай тополя
на верже травянистой бумаге
две вороны парят
и змея черной речкой в овраге

а еще начерти
белый ангельский след самолета
чьи воздушны пути
чья землистая гулка работа

он летит на грозу
он в ненастье находит прореху
нарисуй мне козу
или лучше бельчонка с орехом

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

1.

Он присел –
потеют меньше сидя –
вытер лоб обратной стороной
плотницкой ладони.
Он увидел,
как на коже выступила соль
зернами радения земного.
Со спины, с обратной стороны,
на рубахе выступило слово.
Нет,
черты видны:
женщина с ребенком на руках
в облаках.

Выше, выше, плотники, стропила:
близок, что Арей, жених и гость.
Он умеет ладно и красиво
всаживать по шляпку медный гвоздь
в плоть сухой неплодной сикоморы,
тени не дающей между скал.

Он в дороге и прибудет скоро

Он сказал.

2.

мария не пряла не вышивала
но всякий день восторгом проживала
ища любовь как воздух воздух был
горяч в нем плыл

хамсин который смахивать рукою
со лба и платья устаешь покоя
мариин нет есть только взвесь и пот
ее но вот

не пыл сухой не лепестки пустыни
но будто море синее прихлынет
глядит кругом всё разом умерло
шесть крыл гало

видны и эти радуги над кровом
всё в новом свете в откровеньи новом
что пряжу прясть как слушать моря шум
идет на ум

здесь где любовь как азбука незрячих
узнаешь столько губ сухих горячих
покуда не поймешь живет вода
теперь всегда

тогда и звезды кажутся весами
и можно смоляными волосами
мужские ноги насухо тереть
и умереть

***

памяти Володи Таблера

ничего не делать слушать
слышишь как скрипит
ствол большой засохшей груши
словно просит пить

трется о другую ветку
говорит мне я
новую придумал клетку
клетку для жилья

я теперь невольный танец
с ветром ветерком
безымянный иностранец
я ребенок в ком

нет кружений и парений
выпрямлен маршрут
и меня кусты сирени
под руки ведут

СТИХИ О ДОСТОЕВСКОМ

1.

длинный как будто противень
день немецкий прошел
мемуаристка напротив
водит карандашом

пишет планшет воздушный
задом наоборот
в комнате стало душно
замысел зреет плод

озеро у женевы
дети игру простят
больше цветов жене и
рыжиков что хрустят

так ли скучал евгений
ягод сорвав с куста
фарта занять и денег
и сочинить христа

вверх виссон контрданса
бледен блаженный вид
с удалью санчо пансы
свита его шумит

сонного ждут кошмары
приступ и на сносях
кирхи считать удары
время в заклад снеся

2.

накидку потемнее кружева
дождаться темноты осталось малость
любовь как дым но запахом жива
до темноты два вечера осталось

условны стуки *ту-ту-ту та-та*
всё сладострастье то есть маета
уехал умный на ножах хороший
и занят божий человек алеша

с лицом скопца в жару другой лежит
проснулся видит как открыли раму
его трясет нет это он бежит
молнирывать потомкам телеграмму

пока еще не в киев но в москву
наждак ветвей не ровня помазку
кровь на щеке и смерти провозвестник
в пятнадцати шагах лёг медный пестик

вот наши братья дики и любезны
две области две женщины две бездны
а вы в потомках говорливых чье
два шулера лягавый полячье

***

на сквозняке придумывать слова
отстаивать их собственное имя
растите сплетни отмокай молва
а все равно мне холодно с другими

виденье отзвук хочешь погаси
шарь в темноте о ведра громоухая
а всё равно наутро будет синь
рябина в красном эта не другая

такой у них сложился перевес
ей хорошо краснея на зеленом
а всё равно мне не ужиться без
из жимолости глаз и губ соленых

такая у судьбы была швея
сошьет рубашку наугад дарует
и эта роза в красном не моя
а я не ветер что ей в уши дует

***

бабушка под веткою сирени
в летнем сарафане и платке
перешла в другое измеренье
стала с тишиной накоротке

ты беглянка в глянце черно-белом
словно льдом охваченный ручей
не шумишь ни голосом ни телом
но блистишь из глубины вещей

а вокруг всё также без умолку
жизнь без промедленья и числа
ты однажды теплою иголкой
в речь мою как заговор вошла

и прошила крестиком лиловым
этот лепет сонный горловой
если я к тебе иду за словом
бабочку увижу над травой

неприметный и неуловимый
танец твой свободы естество
мимо грядок мать-и-мачех мимо
и не обрывается родство

яблоня сирени куст и выше
бросив взгляд июньским и живым
ты уже над цинковою крышей
с облаком сливаясь кучевым

***

какие песни пели на войне
пускай напишут хлебом на вине
они сильнее свастики и стали
влюбленные одни войну проспали
достанут пусть и вынут из межи
их дневники рисунки чертежи
утраченные снимки документы
воздушные шары цветные ленты
пока они одни на свете спят
пускай на воздух свежий воскресят
их накануне день но только сразу
непрочный мир как глиняную вазу
затейливой работы чашу блюдец
пусть оживут они когда проснутся
а с ними вместе встанут в полный рост
сирени фонари и крымский мост
и встретятся не на словах на деле
борис и белка как они хотели

***

манежа окна слуховые
в нескучном брошенный букет
я не жил здесь в сороковые
как нумизмат гляжу на свет

хочу нащупать эту ноту
немое посмотреть кино
так глядят темную банкноту
изъятую уже давно

и если время гул случайный
грязь от армейских колесниц
пускай мне выпадет опальный
расплющенный между страниц

истории цветов сирени
и долгий завершая путь
всей тяжестью стихотворений
шагнет на грудь

(черемуха)

в жизнь записали ребенком
дали к биноклю прильнуть
ливень черемуху комкал
ливня холодная ртуть
жизнь отдавала малиной
ластилась дружной семьей
билась звала окариной
всё это было со мной
а не умевшее сбыться
черной шарманкой поет
лица мелькавшие лица
редко манило твоё
счастлив одним напряженьем
этот душевный магнит
части слепое сближенье
белой черемухи вид
обморок перед прохладой
белые ветки прочти
оптики больше не надо
вот она рядом почти

***

живи не трогая эскизы
за красной крышей темный пруд
грозу рассматривая снизу
так ранней осенью живут

дождь ходит с цинковой лейкой
стрижей возносит духота
и запах пойманной уклеи
зовет бродячего кота

и если всё сложилось просто
березы ветер и цветы
в тебе нечаянный подросток
заговорит из темноты

заголосит печная сажа
дождя проступит метроном
но будет радуга в пейзаже
подвижном зеркале живом

и всё от первых звезд до кровель
начнет кружиться колесом
и вечер августа огромен
и сам рисунок невесом

***

такое значит разнотравье
не занеси господь серпа
и каждый стебель равноправный
сердец и глаз полутолпа

опушка запахов стечений
июльским солнцем горяча
уже оплел побег растений
лоб и окрестности плеча

а снизу в зоркости свиной
течет бесцветная вода
народец местный муравьиный
вовсю молотит города

охотой мелкою влекомо
хитиновых ворчанье крыл
язык чужой и насекомый
про здесь был я и ты здесь был

кузнечик кокон зноя пилит
до траурницы наготы
до ты есть то и то есть ты
травы лицо пройдя навывлет

***

смолкни дудочка и бубен
лютня не играй
уцепиться за не будет
за страницы край

где не то чтобы размыто
или хода нет
слова всякого орбита
не бросает след

там сплошным протуберанцем
тридевятым дном
на поверке новобранцем
во земле зерном

ждать любовником несмелым
на воде гадать
самый белый самый белый
только очень ждать

и выпрастывая руки
нет его ни зги
только сердца слышать стуки
за стеной шаги

***

о время сорочьей трещотки
над веткою ягодных тем
и дерево парусной лодкой
и желтый песок-чистотел

глухие скворешен каюты
у кромки америк парят
там бабочки-обэриуты
свободно всю жизнь говорят

и лета подсохшая горка
когда на ладони весь год
и нужно проснуться и только
с заката увидеть восход

а дальше весь список не меньше
одних корабельных огней
уплывших за лучшей из женщин
и так и плывущих за ней

***

Н. Бельченко

Гляди на яблоню, гляди:
там на последней ветке
на менелаевой груди –
краса Елены едкой.
Упало яблоко к ногам
древесной кровью красной,
и сорочье летит к богам
мстить трескотней опасной.
И тучи громоздится куст,
и, грозы предваряя,
как бы слова из Божьих уст,
к земле стрижи ныряют.
А сад листвою сплошной обшит
желтеет безутешен,
и как воздушный антрацит –
зрачки пустых скворешен.

***

«Когда я в мире жил...»

Б. Чичибабин

Сухие листья, августа разлад,
Медведицы воздушная опека.
Ты говоришь о море невпопад
и пахнет ночь осеннюю аптекой.

Еще под вишней топают ежи,
еще трава расти не обленилась,
но посмотри на эти чертежи –
в них, будто звезды, слово обнажилось.

Слова текут молочной рекой,
скрипят их реи, паруса полощут, –
а здесь торгуют медом и мукой,
уходят спать, во сне идут на ощупь.

Во всех домах – крестьяне, рыбаки,
собаки спят, поэты и доценты.
Седая, у излучины реки
растет луна, растут ее проценты.

А вместе с ней седеет самый мрак,
и каждый пятый, с тишиною в споре,
осенний в ней распознает сквозняк –
дверь хлопает в открытом разговоре.

А из-за штор, протянут будто шест
паромщика, свет рыжий и неяркий.
И яблоки белеют – ровно шесть,
и сад сухую сбрасывает шерсть,
и спицами блестит седая парка.

***

Нагибаться за комарами,
печь сырыми топить дровами,
спать, чужим укрывшись пальто.
А когда сквозь росистый ладан
глядит в окна рассветный ангел, –
ты толкни меня, если что.

Разбуди меня на рассвете,
ведь написано: быть как дети.
Разве плохо совсем не спать?
Рвать бутоны пижм с иван-чаем,
между тающим сном и чаем
прямо в детство свое шагать.

Там, где тонко, – там не порвется.
А иначе всё распадется:
дом, дорога, лесной ручей,
лодки, остров, Москва, Неглинка,
электричка, брусника с рынка,
где торгуют страной ничьей.

Он проснулся и он уходит –
ничего с нами не происходит,
и нам будет везти пока,
он доволен лишь частью неба,
и хватает простого хлеба,
ягод, чая и молока.

***

Слобожане, рыбаки.
Длятся проводы реки.
Дух ее хвостом махнет
и слезу смахнет.

Вынырнет из рукава
золотая рыбка-два,
поглядит на материк:
– Что тебе старик?

– Ничего не нужно мне
в тридевятой стороне,
сударыня моя,
не оставь меня,

хочу на воду смотреть,
под песок скрипучий петь,
неводом царапать ил,
черный как винил.

Три на девять – двадцать семь,
солнца луч забился в щель.
Это на волнах мелькнет
золотой живот.

И река течет, течет,
и тебя влечет, влечет.
Выбирай скорей назад,
словно невод, взгляд.

***

Собиратель солнечной пыли,
дождевых облаков и луж,
ты ли это в лакричной были,
где орленком раздавлен уж?

Пыль на полках бумаги тише,
но обложки клеймит ягдташ.
Имя, возраст, отряд запишет
твой химический карандаш.

Ты слюнявишь его, и губы
станут синими, как зимой.
В чемодан из рогожи грубой
гардероб умечаешь свой.

Ждешь автобуса на балконе
и какие-то полчаса
вертишь умный прибор Маркони,
где витийствуют голоса.

***

Б. Кенжееву

Живёшь навзрыд, а плачешься втихую.
Как раскусить гармонию такую...
снаружи август, а внутри тоска
незримо зреет ядрышком ореха,
прорехой вечности. Утешит человека
не божия, но женская рука.
Пройдёт по волосам, обманет снова,
но различима осени основа:
сгоревший дом, а через крышу храм
побеленный. И всякий пьян и молод,
и строится в потёмках старый город,
и нищета гуляет по дворам.
А где-то есть гармония на свете,
шаги в густом, медовом этом лете,
и красота доступная проста.
Паук плетёт из живота седую
раздвоенную прядь, и ветер дует
глухие ноты с чистого листа.

август 2003

***

Александру Кабанову

Из этого зеркала воду не пей,
оно – что стоячая лужа,
А ты желторот, городской воробей,
девица, не знавшая мужа.

Из этого крана не слышно реки –
есть только ручьи за спиною.
Вернутся домой дураки-рыбаки,
их волосы вьются волною.

И окна на север, и двери на юг
закрой поскорее, внимательный друг,
на краешек сядь табурета,
украдкою вспомни про лето.

Как лето летело, сбывалось, цвело.
Цветной каруселью кружилось гало,
и горло торфяником мяло.
А если грядущего мало,

рискуя совсем не пропасть на миру,
прокляй, воробей, в трафарете дыру.
Сквозняк отрезвит твою душу:
там нет никого, но – послушай.

(удивительное происшествие
бывшее с автором на даче под конаково)

Свете Буниной

*пьяный фонарик велосипедиста
летние сумерки но грозы не будет
выкликали стрижи но небо осталось чистым
у соседа попса ударяет в бубен
пляшет соседка гости ее и дети
словно цифры совпали на лотерейном билете
цифры на лотерейном билете совпали
выиграли в копейке ниву тетя маша в ударе*

*а у нас газ не кончается хватает его по сезону
пьешь охлажденный квас гуляешь себе по газону
мысли о смене режима приходят на день победы
а тут звонок велосипедный
вам страховать спрашиваю или еще услуга какая
стоит посыльный смотрит на меня не мигая
да что в самом деле зачем приезжать на ночь глядя
чего людей беспокоить какого ради
когда в провинции к любой новизне глухи
отвечает посыльный хочу почитать стихи*

*изо рта его вылетают лилии ромашки и трели
огненные змеи вдумчивые метели
семена клена дубов и сосен и пугало на межи
выстрелы охотника топающие ежи
ластики сломанные карандаши мастихины
шарфы и зонтики чувствую привкус хинный
и тут вся мозаика лопнула разлетелось*

китайской шутихой

оцарапала небо и стало тихо

*летние сумерки пахнет порохом воздух ночной
еще назвал фамилию фамилия была корчной
прочитал осмотрелся отказался выпить воды
и скоро узкое тельце с проблесками слюды
с участка выдворилось растворилось бежало
о смерть говорю ну где твоё жало
ведь я как местный сократ у рассыпанного отца
и снова как рельсом бьёт у соседей попса
в шлафроке брожу заламываю руки
муки говорю о боги послаще бы муки*

*а вам если встретится фонарик велосипедный ночной
попросите почитать фамилия вроде бы корчной*

***

С. Кековой

Напишет по воздуху кровью кизил,
что август окончен и взят Измаил,
и смуглую тканью покрыто стекло,
и лета дыханье с него утекло,
и в облачном небе не видно вины –
чернила закончились у тишины.

Но, как пешеход, красный свет пережда,
грибы созревают под марлей дождя –
так в осень на сушу из влажных пустот
твое воскресенье субботой растет,
и будто гостинец в родительский день –
брусника и клюква, укрытые в тень.

Березой белея, осиною горя,
три конных фигуры, три беглых царя.
От сердца ненастья до снежной поры
у рамы алеют рябины дары
в Измайлово сером, где мутный трельяж
и ветка стучится в уснувший этаж.

***

гексаметр золотой на море замер
за спинами мальчишек загорелых
пока грузин с обвислыми усами
из двух сдвижных пластин нам птицу делал

куда она ушла скажите боги
парчи его зеленой и треноги
шепните ивы облакам родня
куда она летела от меня

зачем переметнулась убежала
и о родной наверно стороне
она сумела молнией ужалить
так ничего не выболтав родне

заставила окаменеть волною
земную стайку из морских фигур
я море детства чувствую спиною
осанку оперенье и прищур

и вздрагиваю если где похожий
есть будто вспышка быстрый птичий взгляд
и ежусь кожей и краснею кожей
как много лет теперь тому назад

3

***

Как сад стремительно ветшает,
как тучи серые спешат,
как мыши полевые шарят
по даче с выводком мышат
озябших, неуёмных, сирых.
Как жалко ставить под комод
подобье гильотины с сыром.
А может, к вечеру возьмёт
и распогодится? И ясной
проступит запад полосой,
и солнце сентября, что ястреб,
на окна бросит взгляд косой.
И бабье лето будет длиться —
как женщина, отъезда блажь
забудет и на половицы
поставит собранный багаж.
И две, а то и три недели —
живи, не разнимая рук.
Но ветер гнёт в коленях ели.
И дождь, и плачет всё вокруг.

ОСЕННИЕ ПИСЬМА

Сергею Шестакову

1.

Писарь – аптекарю. «Осень темна, что омут:
охра, имбирь – всё на поверку тленье.
Тянет сквозняк, напоминая, кто мы.
Темень одна до Вербного Воскресенья.
Верно и медленно небо дробится в лужах,
редко обрадует в патио шепот птичий.
Взгляд, будто гончая, просится вдаль, наружу,
но для охотника мало в лесах добычи.
Хочется снега – его обещали вскоре –
цвет одинаков станет холмов и впадин.
В моду вошло стихи сочинять о море.
Как там в краю чаек и виноградин?
Что говорят? Сердцу на свете больно.
Горечь листвою станет кружить, покуда
снег не пойдет. Так в сумраке безглагольном
ищешь письма, словно желая чуда».

2.

Писарю лекарь красной латынью пишет:
«Город у моря – неправильный слепок рая.
Делают впрок настой из травы и вишен,
мазь из коры – и в кожу ее втирают.
Время муссонов. Последние три недели
волны и ветер, зимуют на суше лодки.

Видел, как гуси над ратушей пролетели,
крик издавая жалобный и короткий.
Были артисты, позвал к себе жить циркачку.
Дней через шесть с обозом ушла в столицу.
Словом, и здесь скука одна и спячка,
Разве бродягам есть чему поживиться.
Будит звезда под утро – наверно, Вега.
Столько созвездий – но больше бывает летом.
Что пожелать тебе? Снега, побольше снега.
Мира домашним, и не тяни с ответом».

***

я на глади китайского шелка
нарисую зубастого волка
паровозик рябины в снегу
ученицу с пластмассовой лейкой
пастуха с деревянной жалейкой
потому что терпеть не могу

в парке дети гуляют без пары
мне такое шептали стожары
рассказать улетит будто пар
номерок на ладони нечеткий
даже царской не вытравишь водкой
оттого-то и в мыслях пожар

я к осенней рябине ревную
я к продленному дню аллилуйя
закричу слышишь не уходи
паровозик жалейка рябины
вкус березовый голос любимый
леденцовое сердце в груди

а что мощные мчатся машины
а что манят хибины вершины
это всё не уйдет подождет
видишь сад в октябре умирает
на глазах облетает сгорает
в кулаке сигареткою жжет

***

мои ли это крики птичьи
подобен разве я стрижу
что в птичьем полусне обличье
я дух перевожу

дышу как вижу с длинным клювом
я снюсь или увидел сон
мне птичьи одежды любви
прекрасен он

стрижиный строгий длиннокрылый
вперяет бусины-глаза
и в сердце слышно как из ила
растет лоза

и разливается по телу
шумящий трепет мой испуг
ветра уносят за пределы
за лес за луг

короткие родные токи
мои вы брат или сестра
и восходящие потоки
и все ветра

***

лён угнетенный
влажный язык молва
вместе по черной
глине земли в слова

то ли играя
то ускоряя шаг
беженка рая
лиственный падишах

греющим дымом
будто пальто чужим
ты мой любимый
чудом не дорожим

словно без кожи
и не велик изъян
будто похожи
листья на флаги стран

вместе мы вместе
вот уже наконец
листья как песня
пятящийся близнец

ты желтогрудый
на белизне ковра
детской посуды
пуганное вчера

***

забуди колени ложесна
и встань назавтра в восемь
ведь та что на миру красна
нас обожгла как осень

а дальше будет все больней
все холодней и суше
когда приют находишь в ней
она слезами душит

и хочется не говорить
а лишь смотреть ей в спину
и если тянет полюбить
есть лучшие глубины

октябрь на крышах воронье
приметы долгостроя
жить проще бы но без нее
я ничего не стою

откроешь дверь своим ключом
и станешь мыть посуду
мы говорили ни о чем
когда случилось чудо

ведь счастье то же забытье
не хлебом же единым
и есть воздушное житье
не тверже паутины

***

праздник листьев смена цвета
осень солнце сквозняки
вот она дорога в лету
спят ученики

спят двенадцать и не видят
как вокруг тускнеет медь
гнать держать дышать обидеть
и терпеть

спит тире и запятая
как за каменной стеной
книги смуглые листают
шар земной

отчего их сон тревожный
как прожить им не по лжи
скоро ль скрипнет снег дорожный
расскажи

а когда трава остынет
где найти простой ответ
только прописи пустые
только свет

***

образовалась пустота
нелепая как будто в доме
стола не стало и холста
в образовавшемся проеме

почти реально ощутим
был невесомый птичий холод
как будто говорил впусти
тебе больной и нищий голубь

там были птица и вокзал
она пробиться вглубь хотела
на грудь к тебе и рассказать
как больно языку без тела

того которое тепло
носило бы еще лет десять
но это мертвое стекло
платком решили занавесить

оставить видимость одну
сердец какая не пронзает
нам больно видеть тишину
когда октябрь дождями залит

и просит всех пересказать
посланец в сущности бескрылый
(ему сегодня тридцать пять
и яблони в цвету и силы)

что вот отыгран первый тайм
и на чужой просторной даче
случится страшная из тайн
что всё любовь переиначит

жизнь двинется наоборот
и людям смерти будет мало
и дождь дробить не будет лед
у павелецкого вокзала

***

узор багряный желтая листва
не скомканные письма не родства
приметы для людей в автомобиле
не акварелью ставший кислород
а рыжие ошметки у дорог
источник огорчения и пыли

москва спешит в кармане держит зуд
ей нравится когда нахрапом прут
она и в церкви думает про это
не истины изнанка но соблазн
и что ей эта лиственная казнь
и полупьяный разговор про лето

и ты в одной горчайшей из столиц
как лист случаен как одно из лиц
мелькающее под паучьим сводом
то наяву то призраком извне
пока опять не глянет в спину снег
еще одним бескрылым пешеходом

***

не уходи прислушайся постой
от нелюбви надежный есть настой
кант часовой бездумный шурави
дождь отшумел спас вышел на крови

от не улыбки от смешенья слов
есть ломкий мел есть твердый хлеб и кров
бумажный змей и ной берестяной
смотри как просто вычислить одной

хлопок ладони бабочкой смотри
как ей тепло как хлопает внутри
как хлопоча как будто на парад
ее летит хлопчатый аппарат

одним большим решением полна
одна ладонь другой обожжена
кленовому листу летит вослед
на праздник без хлопот наверх где свет

***

памяти А. Сопровского

говоришь погода теперь не та
мандарин не купишь снежок не слепишь
есть еще могильная теснота
юбкой за ограду гляди зацепишь

и поэтов зрение не в чести
как оно сплелось там у евтушенки
принимают мертвые до шести
за стеной сплошной на преображенке

и такого страха в помине нет
огорчится Иов своё отдавший
но спасибо Господи за тот свет
из-за туч октябрьских просиявший

за любовь и горечь за хлад и зной
всё как листья осенью всё красиво
если снег опять не пойдет зимой
и за это тоже Ему спасибо

(прага)

здесь по кошачьим головам
притормозит и встанет шкода
пока торопятся слова
и трость слепого пешехода
стучит а сам он как сизиф
толкает речь про переправу
про волосы плакучих ив
янтарь роняющих во влтаву
и в раме слякоти двойной
всё умолкает с медной кроной
на следующий выходной
цвет будет у воды зеленый
расправят улицы горбы
их шапки станут островерхи
и дух весенней ворожбы
начнет их имена коверкать
подарит ледяным вином
в груди зашевелится рана
и будет виден метроном
на месте русского тирана

(ленинград)

музыка военного метронома
говорит
кто дома
кто дома

путая асфальт с пустотой
палочкой вышагивает слепой

проросла поребрик трава
напоследок съели слова

кислород вокруг окаянный
умный сторож
стук деревянный

ни в себя уйти ни в распыл
и не топот
опыт застыл

и огромное синее око
над невою серой
и сбоку

из окна
наподобие суржика
вырывается
музыка
музыка

***

провинциальные учителя
рыбаки электрики и счетоводы
лучше других знают как летит земля
как змеей ползет через годы
шелестя травой состоя из частиц
всевозможных перечисленных и прочих
существующее небо есть язык для птиц
(как размашист в нем птичий почерк)
он мгновенно тает в зрачке твоём
зренье помнит нажим пера
разве радужка тот же земной окоём
голубая ее кора
и в одном еще циолковский прав
наступивший на слух травы
человек не просто тревожный храм
котелок где кипят миры

***

Шли в ногу, за руки держались,
и не был этот день борьбой,
и осени глухую зависть
вдруг ощущали за собой.

Шли мимо в сером пионеров,
и синих астр, и тощих мам,
и бабье лето полной мерой
тепло делило пополам.

Но спелой кожицей ореха
нагретый воздух лопнул вдруг –
образовалась в нем прореха,
они, не разжимая рук,

туда, как бы за двери лифта,
зашли на обморочный свет:
желтела в баночках олифа
на полках, как парад планет.

Белел бессонной мыслью кафель,
чернело чучело в углу,
и книга с надписью *Акафист*
была раскрыта на полу.

Они тетрадь другую взяли,
потертую со всех сторон,
и рук своих не разжимали,
и позабыли этот сон.

***

грубая фактура мел и сажа
воннегута верный перевод
для вороны только часть пейзажа
наш балкон где музыка живет

если на скопление бутылок
солнце свой наставило зрачок
или рядом в двух шагах не пылок
пролетит по небу паучок

на какой-то домотканой нити
ариадны волосе седом
верную гармонию берите
и несите осторожно в дом

намотайте азбуку на палец
горькую природу утая
чтобы ожил имени скиталец
и росли на ветках сыновья

или в этой углой колыбели
насекомый свой умерив пыл
эмигранты памяти сидели
и корабль плыл

***

Теплота от короткого слова,
а потом – долготы, маета.
Тереби его снова и снова,
будто глядя чужого кота.

Проводя между пальцев шерстинки
или – взвесив – о хитрый прищур,
эскалатором ниже Неглинки
я похожие лица ищу.

Вот они потянулись навстречу
и не видят значенье одно.
– Добрый вечер, – твержу, – добрый вечер.
Опускаюсь на шумное дно.

И в вагоне умышленно старом
станет кресло толкать и качать.
От короткого слова удары –
говорить про себя, не молчать.

4

***

когда всю убрали посуду
и кафель протерли и жечь
позволил я этому чуду
у ног моих кошкою сесть

мне было просторно и пусто
на маленькой кухне ночной
я думаю схожее чувство
когда-то испытывал ной

как после большого потопа
когда наплывают на мель
на остров безвестный всё скопом
невнятица и акварель

но улица пахла зимою
чернел за забором овраг
и смешаны были с землею
листва и обрывки бумаг

наш двор был подсвечен и жалок
рекламы светился овал
и очередь из иномарок
ноябрьский снег покрывал

(ода картошке)

снежная крошка
бульжная мостовая
москвокартошка
с обручем как живая
кто рисовал тебя на упаковке блестящей
с ломтиком солнца масляным и хрустящим

брошенный сейнер
серые новостройки
строго на север
спят головами койки
синие ели кровью горят рубины
как твое имя лена наташа зина

гулкое небо
голубь с немым вопросом
ты моя небыль
выпущенная колоссом
миф шелестящий десять копеек старых
может тамара пусть лучше будет ларой

шум перестроечный
снег поднимают кони
в масле подсолнечном
прятать в карман ладони
всё что останется вечно-синие ели
имя посланниц молочные зубы съели

***

босые женщины дейнеки
теперь лодыжками сильны
ступают из варягов в греки
и в будущее влюблены

кантуют волокут и катят
а могут семечки лузить
чтобы касался круга катет
курил на пленуме грузин

пока им дела нет до пары
растут из проволок леса
ажурны будущим ангары
распуганные небеса

а вечером придя из тира
спецовку бросив на кровать
совсем иная перспектива
от ласки грубой умирать

старая становится скушной
терять любимых зубы сон
но посмотри они воздушны
как строящий аргон ясон

***

Трамвай с ладошкой на мерзлом
окне, малиновый снегирь
у остановки на колхозном –
всё это память-поводырь
по научению минует
на расстоянии руки.

Я слышу музыку иную –
гудки, трамвайные звонки.
И cedры вкус, и свежей хвои –
наверно, скоро Новый год.
Я никого не беспокою –
свободной правою рукою
нащупывая переход.

И группа лиц в пальто похожих,
косясь, смеется надо мной:
я – иностранец, я – прохожий,
слепец с чувствительною кожей –
какой-то валик восковой.

***

оранжевый ангел сутулый
над городом горьким завис
его загорелые скулы
ранетом лесным налились

он поднят с кровати метелью
ученый морщинистый грек
но девочкой над акварелью
он крестит немислимый снег

в кармане бечевка и ластик
простывшего времени гул
и смысла речной головастик
в его троеперстье скользнул

он водит метлой колонковой
и окна пускает в тираж
и ставит на крышах подковы
свинцовый его карандаш

***

человек в дубленке улицей чихает
голуби поднялись целой стаей вверх
мама свою книгу новую читает
глаз не отрывает не подымет век

если б услышала вот бы рассмеялась
человек в дубленке он чихнул опять
и такое солнце вся тревога сжалась
весело в дубленке улицей шагать

маме будто провод слух перекусили
слух ее что это грязное окно
существуют книги в них наркотик пыли
где танцуют буквы как в немом кино

человек шагает скажем на работу
он спиной смеется ладно так и быть
мама собирает всех родных в субботу
человека тоже нужно пригласить

(определение снега)

... не аспид, о который мел крошится,
но голое окно. В нем отразится;
нет, выразится (замолчи, тоска!)
стекло, а не кромешная доска.

Там снег идет, он чешуей мелькает,
как будто с неба к нам проистекает
на улицы, в их треснувший ушат
немое молоко Упанишад.

Туда, где ночь, вместо темной глыбы,
белеет, как живот у плоской рыбы,
войду и выдохну, и словом назову
одним –
деревья,
воздух
и траву...

5

***

русалки хохочут выходит герой изо льда
рыбак полуголый (одежда в воде соскользнула)
его согревает босая по снегу ходьба
и он семенит и ругается вверх как вакула

грозит кулаком в синеву в удивленный янтарь
и на гору лезет где есть тормозок и поляна
он лед разрывал будто лед отрывной календарь
и вышел сухим (так находят сюжет для романа)

гусиная кожа наколки
и смена белья
в лесу колея до бетонки
а там веря

***

просто робость вызвалась вожатым
с пектусином ложечку вложив
в рот еще беззубый но разжатый
словно уговаривая жизнь

первый страх проходит с оговоркой
время видеть выше головы
и апреля влажною уборкой
улицы москвы подметены

замечаю много желтых точек
липы это бродит мыльный сок
и бездымный самолета почерк
небо бороздит наискосок

обещаю удивленью длиться
дело не в апреле а во мне
если угораздило родиться
в этой необъятной стороне

в этой удивительной и слезной
где победы смешаны с виной
мы еще заметим наши звезды
и купаться выйдем под луной

***

эмигрантский хлеб не горек
видишь дом дорога лес
облака скопление коих
мысли потеряло вес

все мы выглядим немного
баратынским на скале
через мох ведет дорога
к баратынской вышине

из провинции столица
легкомысленна слегка
на глазах у очевидца
кроны ветер облака

контуром напоминая
дорогих для сердца лиц
а березы принимают
вид на выданье девиц

*станем думать о природе
не про нано и растил
там писатель в огороде
все капусту разводил*

*там с бородкою собачка
император молодой
и одна чухонка прачка
всё лопочет над водой*

(Cueca Solo)

шум далекий майский
набежал волной
патефонным вальсом
молодой страной

зина зинаида
дымом без огня
будто атлантида
смотрит на меня

вечная родная
твой домашний свет
ты теперь другая
вас на свете нет

но прижалась грудью
пальцы сплетены
правда что не будет
той большой войны

смотрят не мигая
круглые глаза
эти слезы мая
рассказать нельзя

музыка круженье
вечный *раз-два-три*
гибким продолженьем
слезы оботри

медная посуда
черные дома
музыка оттуда
время как тюрьма

разрывая камень
и кроша бетон
нам пришел на память
этот вальс-бостон

и шипит пластинка
с первых лет войны
знаида зинка
имя тишины

***

математик артист
и в пальто окрыляющем плечи
как любой эскапист
не выносит имперские речи

без окна человек
пешеход божедомки и лестниц
он задумал побег
как монаду придумывал лейбниц

а куда он бежит
и жена по порядку не знает
всюду клейкую жизнь
будто пролитый чай оставляет

в новый свет в тадангыл
за чернильною сизою тучей
только нежный распыл
только ветки в зеленке пахучей

***

когда деревья снова полетят
не белыми но в вымышленном свете
и майским ливнем вымытый до пят
уткнется к ним в подол подросток ветер

когда трава начнет расти с колен
у вишен но не выше подбородка
и люди выживанию взамен
прогулку предпочтут водой короткой

тогда и время говорить о том
что дом просох и остается окна
наружу приоткрыть понять о ком
вздыхает самовар и пахнет пробка

и строят гнезда рядом будто речь
береговушки из весенних буден
и почему опять погасла печь
всё это будет сон нет вправду будет

СОДЕРЖАНИЕ

1.

этот снег февральский летит о ком	6
серое небо елабуги.....	7
охотники чернеют на снегу.....	8
уход из ясной предопределен.....	9
когда судьба столкнула лбами	10
куртка его выдает с головой	11
(верлибр)	12

2.

без вас обоих как без верных слов.....	14
в начале были робость и судьба	15
заносили ставили на каталку	17
не смотри на сверкающий ливень	18
вот опять апрель где пестрит от птиц.....	19
(букет)	20
лет через восемь стану вспоминать.....	21
нарисуй мне свинцом.....	22
(два стихотворения)	
1. Он присел – потеют меньше сидя	23
2. мария не пряла не вышивала	24
ничего не делать слушать	25
(стихи о дostoевском)	
1. длинный как будто противень.....	26
2. накидку потемнее кружева	27
на сквозняке придумывать слова.....	28
бабушка под веткою сирени.....	29

какие песни пели на войне	30
манежа окна слуховые.....	31
(черемуха).....	32
живи не трогая эскизы	33
такое значит разнотравье.....	34
смолкни дудочка и бубен.....	35
о время сорочьей трещотки	36
Гляди на яблоню, гляди	37
Сухие листья, августа разлад	38
Нагибаться за комарами.....	40
Слобожане, рыбаки.....	41
Собиратель солнечной пыли	42
Живёшь навзрыд, а плачешься втихую	43
Из этого зеркала воду не пей	44
(удивительное происшествие бывшее с автором на даче под конаково).....	45
Напишет по воздуху кровью кизил.....	47
гекзаметр золотой на море замер.....	48

3.

Как сад стремительно ветшает	50
(осенние письма)	
1. Писарь – аптекарю. «Осень темна, что омут.....	51
2. Писарю лекарь красной латынью пишет.....	51
я на глади китайского шелка.....	53
мои ли это крики птичьи.....	54
лён угнетенный.....	55
забудь колени ложесна.....	56
праздник листьев смена цвета	57
образовалась пустота.....	58
узор багряный желтая листва	60
не уходи прислушайся постой	61

говоришь погода теперь не та.....	62
(прага).....	63
(ленинград).....	64
провинциальные учителя.....	65
Шли в ногу, за руки держались.....	66
грубая фактура мел и сажа.....	67
Теплота от короткого слова.....	68

4.

когда всю убрали посуду.....	70
(ода картошке).....	71
босые женщины дейнеки.....	72
Трамвай с ладошкой на мерзлом.....	73
оранжевый ангел сутулый.....	74
человек в дубленке улицей чихает.....	75
(определение снега).....	76

5.

русалки хохочут выходит герой изо льда.....	78
просто робость вызвалась вожатым.....	79
эмигрантский хлеб не горек.....	80
(Cuesca Solo).....	81
математик артист.....	83
когда деревья снова полетят.....	84

Герман Власов
Определение снега
Книга стихотворений

Технический редактор *А. Ильина*
Корректор *Н. Федотова*

Подписано в печать 14.04.11. Формат 84x108/32. Бумага офсетная
Гарнитура Гарамонд. Печать офсетная. Печ. л. 2,75

Издательство «Водолей»
127254, г. Москва, ул. Гончарова, 17-А, кор. 2, к. 23
Официальный сайт: <http://www.vodoleybooks.ru>
E-mail: info@vodoleybooks.ru

Отпечатано в Оперативной типографии «Вишневый пирог»
www.cherrypie.ru

